

18+

ЛИНА КИРИЛЛОВЫХ

Как показывают в кино

Лина Кирилловых

Как показывают в кино

«Издательские решения»

Кирилловых Л.

Как показывают в кино / Л. Кирилловых — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-539308-1

О таком часто фильмы снимают: как вваливается в размеренную жизнь из ниоткуда человек, и всё у всех переворачивает с ног на голову. Только Юлька, новая соседка Дениса, оказалась очень даже всамделишной — и считающей, что в жизни обитателей обычного двора обычного микрорайона давно пора что-то менять.

ISBN 978-5-00-539308-1

© Кирилловых Л.
© Издательские решения

Как показывают в кино

Лина Кирилловых

© Лина Кирилловых, 2021

ISBN 978-5-0053-9308-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

А появилась она ровно так, как показывают в кино. Только не с пистолетом. Раскрутила над головой пакет и вмазала Батату по спине. Тот споткнулся на ровном месте и квакнул – издал рваный звук, в который преобразовалось «ай». Ордынцы замерли в шоке. Денис, признаться, тоже. Грязь испачкала брюки, и нога, ушибленная, когда Батат с гыгыканьем толкнул Дениса в грудь и опрокинул, ныла, обещая здоровенный синяк. Сидя на мокром асфальте в привычной униженной позе, Денис видел прекрасно: девчонка. Худая, кудрявая, светлая. С белым пакетом из «Двойки». Девчонка была незнакомой – Батату, видимо, тоже. Батат глупо лупал глазами. Стекляшка, мелкий ордынец, хихикнул. Он допустил ужасную ошибку – увидел в ситуации весёлое. Гвоздь дёрнул его за рукав. Лист-летописец тупо глядел на блокнот, не зная, как протоколировать случившееся. Денис привычно ощущал себя зрителем. Нездешне, странно было: так много раз он пытался удрать и получал от Орды затрешины, но никогда никто не заступался за него и не переключал внимание врагов. Не помогал. Батат протянул «Э-э-э», обращаясь не к девчонке – к Стекляшке. Тот, запоздало поняв, крепко зажал ладонями рот. Девчонка снова крутанула пакет, где лежало нечто увесистое. Её отправили в «Двойку», просто отправили в магазин, она вышла, купив, и, возвращаясь двором... Девчонка громко хмыкнула. Ордынцы непроизвольно подпрыгнули. Батат тарачился. Сегодня для него тоже случилось «никто, никогда, как же так, так бывает?». Батат безраздельно царил в этих дворовых владениях. Был внушающим страх и трепет диктатором.

– Ты... ты чего?! Ты чего, а?

Девчонка смотрела насмешливо.

– Легко представить себя крутым, – её голос звучал очень звонко, – когда нападаешь на одного человека толпой. Но ты уже не крут, когда тебя побила девчонка. Такая же у вас логика, первобытные вы создания. Верно?

– А? – челюсть Батата отвисла.

– Пещерные дикари. С мозгами, как у дождевого червяка. Убогие. Да, я тебя побила. А твои трусливые подлизы, – девчонка кивнула, – всё видели. Вы видели, так?

– М-нэ-э, – отозвался сквозь пальцы Стекляшка.

– Трус – вот! – внезапно взвился Гвоздь. – Вот, на асфальте валяется! Он не может постоять за себя, только ноет. Он...

– Трус, слабаки и рохли сбиваются в стадо, которому нужен вожак.

Девчонка победно упёрла руки в бока. Пакет висел тяжёлой смертоносной гирей. Гвоздь был выше девчонки на полголовы, а Батат – и подавно. Денис заворожённо смотрел. Он как-то забыл, что стал причиной создавшейся ситуации. Батат всхрапнул, побагровел, налился злостью до самой макушки, переступил на месте, как бык, и оскалился. Ордынцы заворчали, окончательно осознав оскорбление. Готовилось нечто страшное – готовилось и оборвалось.

Из кустов сирени на дорожку с хрюканьем вкатился удерживаемый поводком Колобок.

– Дети... Что тут происходит? – грозно загудела тётя Нина, переваливаясь вслед за Колобком. Дородная, суровая тётя Нина, от которой и дядя Валера, её неудачливый муж,

прятался, когда собирался курить. Тётя Нина напоминала японского борца сумо. Удушающий запах духов, торопящийся вперед тёти Нины, тоже грозил, как оружие. Денис был спасён – и незнакомка с пакетом.

– Денис поскользнулся на банановой шкурке, – Батат, мигом надев подходящую для общения со взрослыми маску, горестно развёл руками.

– Чушь! – громко сказала девчонка.

Тётя Нина вздрогнула. Этот звонкий голос был и ей в новинку. Оглядев девчонку с ног до головы, она вопросительно вздёрнула бровь. Брови тётя Нина жирно, ложно рисовала поверх своих собственных. Колобок, восторженно хрипя, обнюхал Дениса и облизнул ему всё лицо. Денис встряхнулся, глядя на девчонку: не говори, не надо!

– Его толкнули, – указала Юлька.

– Кто? Зачем? – пробасила тётя Нина.

– Толкнул вот этот, который у них вроде главный. По-моему, им всем просто нравится издеваться над кем-нибудь, пока не видят родители.

– Денис, это правда?

Тот отвёл взгляд.

– Василий, – начала тётя Нина.

Батат задёргался и замахал руками, как мельница.

– Врёт! Я даже не знаю, кто она и откуда!

– Батат, – прошипел тихо Гвоздь. – Нам лучше отступить...

– Замолчи! Откуда ты взялась, такая умная? – Батат навис над девчонкой, искривив в негодовании рот. – Я никогда тебя раньше не видел! Пришла и выдумываешь! Это наш двор! Ты... Ты если обиделась, что мы не играем с тобой, то это твои проблемы, вот!

– Ох, дети, – потеряла интерес тётя Нина. Колобок уже рвался дальше – к привлекательным до невозможности шинам, вкопанным вокруг площадки для мелких. Шины полагалось пометить. – Играйте, как цивилизованные люди, и не ссорьтесь. Не надо друг друга толкать. Что до тебя, Василий... Девчонка к нам вчера переехала. В третий подъезд. Я видела, как грузчики таскали вещи. Так?

– Да. Вчера, – ответила девчонка, мило улыбаясь.

– Вы с мамой и папой приехали на такси, – довольная своей наблюдательностью, продолжила тётя Нина. – И как твоё имя, блондиночка?

– Юлька. Я просто русая. А он, – обрётшая имя девчонка указала пакетом. – Он что, правда Васька?

Батат поморщился.

– Ну да. Васька как есть.

Блондиночка – русая – Юлька захохотала.

И смех зазвенел водопадом, ударил хрустальными брызгами, рассыпался и зажурчал – как будто в дворовых, привычных, до последней веточки знакомых зарослях сирени, которую уже ободрали, раскинулись вдруг джунгли, где и ручьи, и водопады, и дожди звучат, как дивный музыкальный инструмент. Ордынцев ослепило. И Батата. Сам же Денис оглох, кажется. Одна лишь тётя Нина – взрослая – не слышала магии, просто стояла. Её парашютный, салатово-жёлтый халат пестрел и пах цветами тропиков. Фырчащий Колобок мог бы быть притаившимся тигром. Тётя Нина неверно поняла Юлькин смех – что все помирились, и всё хорошо, но смех сделал нечто нездешнее. Денис – так пугающе чётко – вдруг ощутил внутри счастье.

– Играйте, – повторила тётя Нина. – Я пойду.

Колобок утащил её на площадку. По подъездной дороге медленно прополз автомобиль, едко чихнул выхлопом, задрезжал. Старушечий голос обругал автомобиль: «Окаянный!». Метла заговорила – шурх-шурх. Волшебство пропало. Денис неловко встал и вытер руки о фут-

болку. Батат и ордынцы молчали. Юлька зашелестела пакетом. Где-то выше, к синему небу вдоль стен старой панельки, открылось со скрипом окно.

– Юля, – позвал женский голос.

– Иду! – Юлька бодро отозвалась и взмахнула своей ношей в воздухе. В пакете булькнуло. Отчего-то Денис услышал это только сейчас. Потом – эй! – Юлька, подавшись вперёд, крепко схватила Дениса свободной рукой за запястье. – Только я с другом. Можно, он попьёт с нами чай?

В вышине завозились и стукнули.

– Ты с кем-то уже познакомилась?

– Да, – Денис, выдернутый Юлькой из кружка ордынцев, лишь оторопело моргал.

– Ну... хорошо. Давай, ждём!

– Куда, – проблеял Батат.

– Пока, Картошка, – попрощалась Юлька.

Орда застыла в пятнах солнечного света – на вымытом грозой асфальте, окостеневшая в карикатурных изломанных позах, как в театре, поверженная за сегодня дважды, и это явно было для кого-то из них чересчур. Денис подумал: «Червяки». Юлька влекла его, как пушинку. Кудрявая, вся сияющая. Он тоже был выше её на полголовы. И не знал ничего, кроме «Юлька» и «третий подъезд». Что-то гулко бухало, даже грохотало. Сердце.

– Мама, увы, заставит тебя вымыть руки, – сказала Юлька, не оборачиваясь.

– Сначала я решила, что так, «Батат», его называли родители. Ну, понимаешь, если у людей чувство юмора... А потом дирижабль-тётушка сказала, что он Васька. Просто Васька, который придумал себе кличку – Картошка! Ой, умора... Сдаётся мне, тут жить довольно весело.

– Гм, – выдавил Денис.

– Батат – это же картошка, ты знаешь? – Юлька смотрела на него очень внимательно. Странно так: только что валялся в лужах, но перед новой знакомой ударять в грязь лицом не хотелось. Нет, Денис не знал. До этой встречи.

– Да. Только сам Батат не в курсе. Дурак... Он полагает, это имя монгольского хана.

– Раз дурак, то почему ты позволяешь ему над тобой издеваться?

Повсюду громоздились коробки. Привезённые издалека в эту квартиру на последнем пятом этаже вещицы – ещё скрывающиеся в темноте под картоном и скотчем, пахнущие совсем другим жилищем. На полу – в коридоре, на кухне. На подоконнике и табуретках. Цветные и песочно-коричневые, некоторые будто бы с почтовым штампом. А в пакете, оказывается, Юлька несла минералку. Тёмно-зелёную полуторалитровую бутылку. Минеральную воду сразу забрала Юлькина мама. Черноволосая, на Юльку не особо похожая. На столе стояли приготовленные к чаепитию чашки – красные, в белый горошек. Мама Юльки унесла тёмно-зелёную бутылку, прикрыв за собой дверь кухни.

– Минералка для папы. Ему нездоровится.

– Болеет? – Денис удивился. Но минеральная вода вроде бы полезна для желудка.

– Почти. Так тоже можно сказать.

Юлька аккуратно отпихнула одну из коробок ногой и уселась на табуретку.

– Пей чай, – велела новая знакомая. – Мама специально искала заварку.

Юлькина мама про руки ничего не сказала, оставив предостережение несбывшимся. Но Денис всё равно тщательно вымыл их в раковине. Куском хозяйственного мыла, от которого все садины взбунтовались и защипали. И даже попытался оттереть грязные пятна на брюках. Солнце косо ложилось на оставшийся от предыдущих владельцев выгоревший желтоватый линолеум. Необжитая квартира с духом замерших, нераспакованных вещей воспринималась иностранной территорией. Тут рождалось что-то, вот прямо сейчас – другие правила, законы, порядки.

– Пей.

Чай дымился. Денис поспешно кивнул.

И остались от прежних ещё табуретки – кособокие и шатучие, гудящий, как самолёт при взлёте, холодильник в пятнах ржавчины, остались старые полки и этот исцарапанный стол, на котором будто бы постоянно резали хлеб и овощи без разделочной доски. Что-то дряхлое, стариковское, но Денис не мог вспомнить, кто здесь раньше жил и как долго. Да это и не являлось важным. Теперь здесь жила – Юлька. Солнце золотило её волосы. Бледное лицо ещё не загорело. Всё на нём было маленьким, кроме громадных темнеющих глаз – цветом один в один чай, который всплывал в чашке, иноземный загадочный чай с земляным терпким привкусом. Юлькина мама, зайдя в одну из комнат, заговорила там вполголоса, и ей ответил, судя по всему, болеющий Юлькин отец. Денис поджал ступни в дырявых носках.

– Так почему?

Он не хотел делиться.

– Потому что.

Глиняный кот таранился сквозь дырку в обувной коробке. Статуэтка, наверное. Денису стало тоскливо. Юлька проследила взгляд Дениса, покачала головой. Солнечные кудряшки топорщились. В чисто вымытом небе штрихом проскользнула ворона. Трепетали листья деревьев. По натянутым проводам бегал ветер. Лето как-то мгновенно пришло.

– Им надоест когда-нибудь, – сказал Денис бесцветно. – Просто надоест. Они отстанут. Всё.

– Я поняла тебя.

– В смысле?

– Ты как этот кот. Он достался маме от бабушки, кстати... Вот. Ты – сидишь в коробке.

– Я – что? Чего?

– Нет, ты не трус. Пусть эти... ордынцы и утверждают обратное. Ты спрятался, вот в чём дело. Закрылся. И смотришь на свою жизнь со стороны. Через дырку в дурацком картоне.

– А я тебя не понимаю.

– Разумеется, – и Юлька хитро фыркнула. – Мы познакомились всего – сколько там? Пять минут назад? Десять? Но ты – у меня в гостях. Ты пьёшь мой чай.

– Вы переехали вчера, – повторил Денис слова тёти Нины.

– О да. Мы чужаки и пришлые, – Юлька глядела поверх белых горошин на чашке. – И мы приехали, чтобы встряхнуть это болото. Вот, Денис.

– Чего? – тот чуть не подавился чаем.

– Да я шучу! И правда, с вами будет забавно.

– Ну, Юля...

– Юлька, – она поправила. – Я – только Юлька. Не Юля. И не Юлечка. Двор зря вчера пытался быть сонно-тихим. Знаешь, какой он по вечерам? Много-много окошек. И в каждом – проблемы, – бездонно-чайные глаза горели. – Вы, бедолаги... И ты. И эта шайка. И дирижабль-тётушка. И её толстый пёс. Как интересно: бабушка говорила, что человек – это книга.

Денис закашлялся. Где-то за стенкой папа Юльки лечился целебной минеральной водой.

– Вот только я люблю энциклопедии чуть больше. Не знаю, в какой из коробок искать... Придётся их читать по памяти. Или в окружающем.

– Как это?

Юлька опять рассмеялась.

– Переносить прочитанное в жизнь.

2.

Дядя Валера осматривался. Он смешно двигал носом – багровым и прячущимся в усах. В руке дядя Валера сжимал заботливо закутанную в тряпку прямоугольную маленькую пачку. Так со стороны казалось, что дядя Валера снял с сушилки во дворе свой носовой платок, напри-

мер, или носки – и несёт домой. Хозяйственный! Так казалось ещё, что тётке Нине с ним повезло невероятно. Юлька, впрочем, готова была проверять всё с суровой дотошностью.

– Стоп!

Дядя Валера подпрыгнул.

– А. Девчушка. Девочка, – он выдохнул с облегчением.

– Нет, – Юлька нахмурилась.

– Привет, дядь Валер, – Денис подошёл, поздоровался.

– Ты не пугай, – обратился дядя Валера к насупленной Юльке. – Я думал, Ниноля...

– Вы от неё скрываетесь.

– Тут дело в чём...

– Ваша дурная привычка, – Юлька ткнула пальцем. – Курение.

Дядя Валера заозирался. Порыжевшая от дождей, вся облезлая выбивалка, на которой хозяйки, вооружённые палками, лупили, избавляя от пыли, половики, ковры, коврики, шторы, занавески, возвышалась его бастионом, ограждала, как крепостная стена. Отцветшие одуванчики десантировались семенами. Гигантские лопухи вздымались. И выдавали – жестяной баночкой из-под кофе, упрятанной не до конца под листья. Баночка была полна окурков. «Шпион попался», – подумал Денис. Но он дяде Валере сочувствовал.

– Увы, – признал дядя Валера.

– Я вижу в этом причину, по которой вы бродите у выбивалки. Я часто наблюдала из окна.

Пятый этаж. Вы как на ладони.

– Наверное. Да. Хорошо, что Ниноля на третьем...

– Вы ведь её любите. Так?

Дядя Валера смутился.

– Моя фрикаделька... Она очень сердится, когда застаёт меня курящим. Я не хочу с ней ссориться. Ох...

Юлька почесала комариный укус на руке и прищурилась.

– У неё ведь тоже есть какие-то привычки?

– Есть, – дядя Валера вздохнул.

– Расскажите о них.

– Ну... Она любит селёдку.

– Солёную селёдку?

– Копчёную. Ест варенье банками. И салат с майонезом. Но это не то? – дядя Валера задумался. – Да! Поливается духами с ног до головы – мамочки! В доме не продохнуть. Поэтому я и гуляю. Да, я курю, – дядя Валера встопорщил усы. – Кто же из нас безгрешен?

– Причина. Следствие, – сказала Юлька.

– А?

– Я поняла, – она пояснила, как с кафедры, – в чём ваша проблема.

Денис неловко хмыкнул. Но дядя Валера – внезапно – не требовал объяснений. Он уставился на деятельно поднявшую палец Юльку с надеждой. Высокий, костистый, нескладный и взрослый дядя Валера. Он привозил с рыбалки на реке огромных щук – но не умел справиться с гневом и духами тёти Нины. И Колобок ещё... Что – Колобок? Денис видел в том очень довольного своей жизнью пса. Пускай и вечно хрюкающего.

– Запахи. Порой они используются, чтобы заглушить друг друга.

– Да?

– Да. Тётя Нина душится, потому что не переносит табак.

– Я знаю, что не переносит. Она же ругается!

– Нет, дело не в этом, – продолжила Юлька. – В её духах. Они помогают терпеть. Вы понимаете? Терпеть табачный запах. А почему она терпит?

– Моя фрикаделечка, – дядя Валера гордо выпрямил плечи, – тоже меня очень любит!

– Конечно, – сказала Юлька с безмятежной ясностью. – Иначе выгнала бы жить под эту выбивалку.

Дядя Валера икнул.

– А вы сбегаете гулять от запаха духов и курите. Приходите домой, и тётя Нина чувствует табак. Она ругается... или, устав ругаться, ничего не говорит. Только берёт свой заветный флакончик...

– Ой. Ой, – сказал дядя Валера.

– Я как-то заметил, что у Стекляшки слезятся глаза, когда тётя Нина проходит перед ним по улице, – добавил невпопад Денис. – Не то, чтобы меня это трогало... Но вот Батат, он плак в Орду не принимает. А тут Стекляшка. Который на краю балансирует.

– Ша, – оборвала его Юлька. – Не может быть так, – она обратилась опять к дяде Валере, – чтобы по собственной искренней воле хотелось травить ароматами Франции всяких Стекляшек...

– Нинула не такая. Не злыдня, – уныло подтвердил дядя Валера.

– Ну, вот. И думайте, – волшебный Юлькин чайный взгляд был строг, но справедлив.

Дядя Валера кивнул. И покосился на зажатую в кулаке пачку.

Тётя Нина благоухала. На каком-нибудь поле войны она скосила бы своим появлением армию – не только противника, но и свою, и так вышла бы ничья. И историкам бы было очень скучно. Присевший у её ног Колобок широко, с поскуливанием зевнул. За обшарпанной, некогда жёлтой скамейкой раскинулись клумбы. Юлька спросила у тётки Нины глазами: «Можно?». Тётя Нина подвинулась. Денис сделал вид, что он тут, у подъездной двери, просто так топчется. Якобы не при делах. Под подвальной дыркой стояла пластиковая миска. Из подвала должно было пахнуть котами и сыростью, а от миски – кошачьей едой, но тётя Нина же...

– Это ведь французские духи? – спросила Юлька.

– Наверное, – тётя Нина одёрнула яркий халат.

– Или, может, корейские?

– Может.

– Или американские?

– Да!

– Они – опасны, тётя Нина.

– Что?

Юлька погладила Колобка по макушке. Тот вывалил длиннющий язык и зажмурился. Тётя Нина выглядела озадаченной. Даже аляповатые цветы на халате как будто застыли в раздумьях. Юлька убрала кудряшки за уши и сложила руки на коленях. Ногти она обрезала неровно.

– Беда. Большие беды, – голос Юльки был скорбен, – приносит иногда красота...

– Э?

– Красота, говорю, тётя Нина.

Денис с большим трудом сдержал фырк.

– Вам, разумеется, очень идёт. Но я – и не могу это скрыть – опасаясь...

Брови тётки Нины залезли на лоб.

– ... что у него – аллергия, – закончила мягко Юлька.

– А... У кого?

– У вашего дяди Валеры.

– Как так?

– Бывает. И на духи. И на цветы. И даже на собак...

– Как так, – ошеломлённая тётя Нина моргала.

– И он не говорит вам. Потому что любит. Он вечно держит в руках носовой платок. Или это носок... Гм, что попадётся, полагаю. Вот. Всё это очень печально.

– Он бежит курить на улицу, – тётя Нина услышала что-то неладное между строк.

– Да, ведь дым, как бы это сказать... прочищает носовые ходы, – Юлька читала в энциклопедии или придумала? – Дядя Валера – хороший. Он просто не хочет расстраивать вас аллергией. Но я-то вижу – из своего окна, у меня всё-таки пятый этаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.